

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Изъ воспоминаній графа фонъ-Пфейля (1881 — 1889 г.).

ВЪ ФЕВРАЛЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы познакомили читателей съ воспоминаніями графа фонъ-Пфейля о послѣднихъ годахъ царствованія и кончинѣ Александра II. Успѣхъ этой книги въ Германіи побудилъ автора продолжить свои мемуары, которые въ его недавно вышедшей книгѣ «Neun Jahre in russischen Diensten» доведены до 1889 года, когда авторъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку и возвратился на родину, въ Пруссію.

Графъ фонъ-Пфейль появился въ Россіи наканунѣ войны съ Турціей и поступилъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ. Онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ нашими войсками кампанію 1877 — 1878 гг., участвовалъ въ оборонѣ Шипки, и по окончаніи войны вернулся въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ военную службу въ Преображенскомъ полку и впослѣдствіи командовалъ однимъ изъ его батальоновъ. Несмотря на то, что долговременная служба, повидимому, сроднила его съ русской офицерскою средой, фонъ-Пфейль упорно отказывался принять русское подданство и оставался пруссакомъ, къ слазну многихъ.

Положеніе автора мемуаровъ было довольно странное: съ одной стороны, онъ былъ офицеромъ гвардейскаго полка, издавна очень близкаго къ членамъ царствующей фамиліи, въ рядахъ котораго начиналъ свою службу нынѣ царствующій Государь Импе-

раторъ; съ другой стороны, онъ былъ подданнымъ державы, съ которой отношенія въ это время наиболѣе обострились. Независимо отъ этой двойственности, графъ фонъ-Пфейль былъ слишкомъ замѣтенъ самъ по своей дѣятельности: онъ былъ своимъ человекомъ въ германскомъ посольствѣ, гдѣ имѣлъ случай заводить дипломатическія знакомства, много писалъ въ нѣмецкой петербургской газетѣ «Herold» и въ органѣ нѣмецкихъ «юнкеровъ» «Kreuz-Zeitung» и былъ хорошо извѣстенъ въ Берлинѣ, гдѣ имъ, видимо, интересовались. Когда великому князю Сергѣю Александровичу пришлось быть въ Берлинѣ, императоръ Вильгельмъ I, незадолго передъ тѣмъ получившій отъ Пфейля краткую исторію Преображенскаго полка, освѣдомлялся о немъ весьма милостиво и подробно. Зналъ его и Вильгельмъ II. Самъ Пфейль рассказываетъ, какъ онъ былъ обрадованъ, когда германскій императоръ, во время своего пребыванія въ Россіи, узналъ его на вечерней зарѣ съ церемоніей въ красносельскомъ лагерѣ и отнесся къ нему такъ же милостиво, какъ и его покойный дѣдъ.

Пресса давно уже указывала на двойственное положеніе этого преображенскаго капитана. Особенно много хлопотъ причинилъ ему князь Мещерскій, открывшій противъ него походъ въ своемъ «Гражданинѣ».

«Въ Пруссіи русскому офицеру, который пожелалъ бы вступить на военную службу, сказали бы: вы съ ума сошли, — писалъ онъ. — А у насъ въ русской гвардіи, даже въ такомъ полку, какъ Преображенскій, есть на службѣ прусскій офицеръ. Почему — этого никто не знаетъ». Изъ-за этой статьи фонъ-Пфейль затѣялъ было цѣлую исторію, хотѣлъ требовать отъ Мещерскаго удовлетворенія, но дѣло замяли, и въ ближайшемъ же номерѣ «Гражданина» появилась замѣтка, имѣющая очевидную цѣлью смягчить впечатлѣніе. Графъ счелъ себя удовлетвореннымъ и продолжалъ служить въ полку, оставаясь не только исправнымъ офицеромъ, но и внимательнымъ наблюдателемъ постановки у насъ военного дѣла. Такъ, въ своей книгѣ онъ неоднократно указываетъ, какъ поражало его отсутствіе инициативы среди низшихъ офицеровъ, обязанныхъ лишь механически исполнять приказанія старшихъ начальниковъ, которые, въ свою очередь, всѣ усилія прилагали къ тому, чтобы выслужиться передъ еще болѣе старшими начальниками и представить имъ свои части въ лучшемъ видѣ, чѣмъ тѣ въ дѣйствительности были. Для этого не стѣснялись даже прибѣгать къ обману начальства съ помощью опытныхъ въ этомъ дѣлѣ фельдфебелей. «На смотрахъ особенно боялись, — рассказываетъ фонъ-Пфейль, — инспектора стрѣлковой части генерала Нотбека. Этотъ типичный старикъ временъ Николая I особенно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы смотры шли гладко, и самодовольно повторялъ: «меня-то не проведутъ!» И тѣмъ не менѣе его проводили самымъ невѣроятнымъ

образомъ, причѣмъ фельдфебеля показывали изумительную ловкость и плохого стрѣлка замѣняли моментально хорошимъ. Стрѣляли по полуротамъ. Когда одна половина роты, окончивъ стрѣльбу, отправлялась домой и раздавалась команда «ряды сдвой!» какой-нибудь Ивановъ, умѣвшій хорошо стрѣлять, ловкимъ движеніемъ оказывался въ той половинѣ, которая еще не стрѣляла, а Петровъ, стрѣлявшій плохо, попадалъ на его мѣсто. Бывало и такъ, что на стрѣльбу подъ разными фамиліями выходилъ все одинъ и тотъ же солдатъ, на котораго начальство могло положиться. Генералъ плохо различалъ физіономіи».

Интендантское вѣдомство также было предметомъ вниманія нашего автора. Подвиги Горвица, Грегора и Когана вызвали ревизію интендантства, а это, въ свою очередь, заставило многихъ подрядчиковъ заблаговременно удалиться за границу, гдѣ они были недосыгаемыми. Въ числѣ ихъ исчезъ и одинъ изъ главныхъ обвиняемыхъ, нѣкто Полежаевъ, поселившійся по окончаніи русско-турецкой войны въ Ростовѣ-на-Дону. Здѣсь онъ пользовался большимъ почетомъ, какъ именитый обыватель, и никому въ голову не приходилъ вопросъ, какими средствами нажилъ онъ себѣ состояніе. Ему угрожало слѣдствіе, и въ это время послѣ кратковременной и тяжелой болѣзни онъ умеръ. Хоронили его съ большою пышностью, при участіи чуть не всего города. Состояніе его перешло къ сыну.

Вся эта исторія съ непродолжительной, но тяжелой болѣзью и торжественными похоронами показалась, однако, почему-то подозрительной. Было назначено слѣдствіе, и въ результатѣ оказалось, что Полежаевъ живъ и здоровъ и благополучно скрывается за границей, куда заблаговременно перевелъ добрую половину своего состоянія. Вмѣсто него былъ похороненъ какой-то бѣдный, похожій на него солдатъ, котораго раздобылъ зять ловкаго афериста. Онъ тоже пытался скрыться за границу, но своевременно былъ арестованъ.

Служба въ Преображенскомъ полку, давая автору мемуаровъ возможность быть въ курсѣ разнообразныхъ злобъ дня, въ то же время сближала его съ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, который, какъ извѣстно, сначала командовалъ батальономъ этого полка, а затѣмъ былъ его командиромъ. Характеризуя великаго князя, фонъ-Шфейль выписываетъ слѣдующее мѣсто изъ одного письма Побѣдоносцева, писаннаго непосредственно послѣ убіенія Александра II: «Прямо изъ церкви я отправился къ великимъ князьямъ Сергѣю и Павлу, которые только что прибыли изъ Рима. Сергѣй съ ужасомъ говорилъ о дѣятельности Лорисъ-Меликова, который хотѣлъ конституціи, и о своихъ опасеніяхъ за будущее». Въ дѣлахъ вѣры, прибавляетъ авторъ, великій князь всецѣло находился подъ вліяніемъ Побѣдоносцева. Германію, особенно

Пруссію, онъ не любилъ, зато къ Англіи и Франціи онъ относился съ большою любовью. Нѣмецкія принцессы казались ему весьма скучными, за исключеніемъ одной, которую онъ называлъ открыто. Онъ не былъ солдатомъ, службы не понималъ и дальше исполненія установленныхъ формъ не шелъ.

Въ качествѣ батальоннаго командира, великій князь принималъ дѣятельное участіе въ большихъ петербургскихъ маневрахъ, къ которымъ были привлечены и гвардейскіе полки, гдѣ офицеры не всегда знали великаго князя въ лицо. Благодаря этому, однажды произошелъ случай, который могъ повлечь за собой серьезныя послѣдствія, не удайся виновнику его скрыться во время. Маневрируя, отрядъ великаго князя внезапно настигъ ночью какую-то непріятельскую часть, которая, очевидно, считала себя въ полной безопасности. Офицеры, вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло, мирно сидѣли за чаемъ около разложеннаго костра. Подходя къ нимъ, великій князь нечаянно наткнулся на самоваръ и уронилъ его. Это раздражило всѣхъ, и какой-то капитанъ съ бранью набросился на неловкаго гвардейца, не зная, что передъ нимъ великій князь. «Что вы дѣлаете,— успѣлъ сказать ему фонъ-Пфейль:—вѣдь это великій князь» Услышавъ это, перепуганный капитанъ со всѣхъ ногъ бросился бѣжать и исчезъ въ темнотѣ. Великій князь не придалъ особаго значенія этому случаю, и бѣдный капитанъ былъ спасенъ.

Несмотря на благосклонное отношеніе великаго князя, авторъ мемуаровъ не можетъ простить ему его холодности къ Германіи и съ особеннымъ огорченіемъ отмѣчаетъ на страницахъ своей книги слѣдующій случай. Въ 1889 году прибылъ въ Петербургъ тестъ великаго князя, герцогъ Людвигъ Гессенскій. Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, герцогъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ празднествахъ и постоянно появлялся на балахъ въ русскомъ мундирѣ, который чрезвычайно ему нравился. По случаю прибытія герцога рѣшили дать балъ и преображенцы. Великій князь пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ, чтобы сообща обсудить, кому слѣдуетъ послать приглашенія. Когда зашелъ вопросъ о приглашеніи дипломатическаго корпуса, великій князь, ссылаясь на тѣсноту помѣщенія, высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ пригласить только англійскаго посла сэра Моріера и французскаго Лабулэ на томъ основаніи, что офицерамъ полка приходилось бывать у нихъ чаще, чѣмъ у представителей другихъ державъ. И дѣйствительно, несмотря на то, что балъ давался въ честь нѣмецкаго принца, рѣшено было германскаго посланника обойти. Когда нѣкоторые офицеры заявили было, что Преображенскому полку неудобно принимать у себя «республиканца» Лабулэ, великій князь сталъ энергично настаивать на его приглашеніи, и всѣ должны были подчиниться его рѣшенію, тѣмъ болѣе, что издержки по устройству праздника великій князь въ большей части взялъ на себя.

Антипатію къ представителю Германіи раздѣляли, впрочемъ, многіе. Насколько военный *attaché* при германскомъ посольствѣ генералъ фонъ-Вердеръ сумѣлъ сохранить за собою симпатіи двора въ новое царствованіе,—ему даже подарили часы, бывшіе при императорѣ Александрѣ II въ день катастрофы и остановившіеся въ моментъ взрыва на Екатерининскомъ каналѣ,—настолько же утратилъ свое бывшее вліяніе германскій посолъ фонъ-Швейницъ. При Александрѣ II онъ былъ при дворѣ *persona gratissima* и занималъ положеніе какъ бы личнаго адъютанта государя. Очень часто недовольный почему-либо германскимъ правительствомъ, Александръ II очень рѣзко высказывалъ это фонъ-Швейницу, какъ бы намѣренно забывая, что передъ нимъ посолъ иностранной державы, которому нельзя дѣлать выговоръ. Однажды послѣ такого разноса государь прислалъ къ нему съ извиненіями одного изъ своихъ сыновей, которому было поручено передать германскому послу, что государь «сохраняетъ самыя хорошія воспоминанія и всегда будетъ помнить о своемъ адъютантѣ фонъ-Швейницѣ».

Въ новое царствованіе, когда взятъ былъ другой курсъ и нѣмцамъ не было уже надобности играть роль личныхъ адъютантовъ русскаго императора, истинныя чувства фонъ-Швейница сказались довольно откровенно. При спускѣ броненосца «Императоръ Александръ II» присутствовали между другими три посланника: фонъ-Швейницъ, представитель Англіи Моріеръ и итальянскій посланникъ графъ Греппи. Послѣдній сталъ говорить о возрастающей силѣ Россіи, указывая, что, обзаведясь флотомъ, она можетъ оперировать во всѣхъ частяхъ свѣта. «Не безпокойтесь, господа,—иронически прервалъ его фонъ-Швейницъ,—они тратятъ теперь послѣдніе гроши». Одинъ изъ присутствовавшихъ на торжествѣ адмираловъ передалъ этотъ отвѣтъ генералъ-адмиралу, и, конечно, положеніе германскаго посла послѣ этого могло только ухудшиться.

Отношенія съ Германіей стали быстро портиться. Помимо причинъ политическаго характера, немало были виноваты въ этомъ сами нѣмцы, показывавшіе послѣ успѣшной войны съ Франціей самую вызывающую заносчивость, которую лучше всего характеризуетъ слѣдующій случай. На какомъ-то торжествѣ въ Вюртембергѣ, на которомъ присутствовалъ Вильгельмъ II, находились и приглашенные русскіе офицеры. Во время параднаго обѣда былъ провозглашенъ тостъ за русскую армію, на который старшій изъ русскихъ офицеровъ отвѣтилъ тостомъ за вюртембергскія войска. Какъ оказалось впослѣдствіи, офицеръ этотъ не зналъ еще о соединеніи всѣхъ союзныхъ нѣмецкихъ войскъ въ одну общегерманскую армію и, провозглашая тостъ за мѣстныхъ войска, думалъ оказать этимъ любезность вюртембергскимъ хозяевамъ. Но прусскій генералъ, командовавшій корпусомъ вюртембергскихъ войскъ, почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ прусскомъ патріо-

тизмъ и, не долго думая, издалъ подхваченный газетами приказъ, въ которомъ называетъ поступокъ русскихъ офицеровъ безтактнымъ. Такая развязность вызвала въ гвардейскихъ офицерскихъ кругахъ цѣлую бурю негодованія и едва не поссорила земляка зарвавшагося генерала съ его русскими сослуживцами.

Нѣмецкой надменности соответствовала и нѣмецкая кичливость, приписывавшая все лучшее, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, непременно нѣмцамъ. Во время пріѣзда германскаго императора въ Россію дѣло дошло до того, что при осмотрѣ военнаго лазарета красносельскаго лагеря встрѣчавшій Вильгельма корпусный врачъ докторъ Фовелинъ прямо отрапортовалъ высокому посѣтителю: «Вотъ, ваше величество, наши палатки прусскаго образца. Это самыя лучшія, которыя у насъ есть. Вообще все хорошее мы получаемъ отъ нѣмцевъ». Эта мелкая безтактность въ другое время прошла бы незамѣченной, но въ моментъ особой подозрительности къ нѣмцамъ показалаcя оскорбительнымъ предпочтеніемъ всего нѣмецкаго. Похвала Фовелина была, видимо, пріятна Вильгельму, и онъ не счелъ нужнымъ сгладить непріятное впечатлѣніе, какъ умѣлъ дѣлать это его дѣдъ Вильгельмъ I. Этотъ престарѣлый монархъ пользовался среди членовъ русскаго императорскаго дома особой любовью и всѣмъ доставляло удовольствіе сдѣлать ему что-нибудь пріятное. Такъ, однажды императоръ похвалилъ русскую уху, которую ему случалось пробовать въ бытность свою въ Петербургѣ и которую никакъ не могъ приготовить его придворный поваръ. Узнавъ объ этомъ, одинъ изъ великихъ князей послалъ въ Берлинъ своего повара съ двумя огромными живыми стерлядями, предназначенными для ухи императору Вильгельму. Рыбъ везли съ большими предосторожностями и, чтобы онѣ не уснули, на всѣхъ станціяхъ были сдѣланы особыя приспособленія для перемѣны воды.

Эти любезности личнаго свойства не могли, однако, разсѣять подозрительнаго отношенія Россіи къ «честному маклеру». Враждебность возрастала, и яркимъ показателемъ ея явились знаменитыя рѣчи Скобелева въ Парижѣ.

«Бѣлому генералу» въ книгѣ фонъ-Пфейля отведено довольно много мѣста. Какъ патріотъ своего отечества, пруссакъ-капитанъ старается выставить Скобелева въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Онъ представляется ему вождемъ грознаго панславизма, готовымъ при благопріятномъ случаѣ и на государственную измѣну, и на переворотъ ради торжества его панславистскихъ идей. Замѣчательно, что это обвиненіе Скобелева въ неповиновеніи и грандіозныхъ замыслахъ, со словъ нѣмецкой партіи при русскомъ дворѣ, было усвоено многими высокопоставленными лицами и Скобелева одно время считали чрезвычайно опаснымъ, такъ какъ онъ умѣлъ увлекать за собою массы.

«Въ 1882 году, — рассказываетъ авторъ, — Скобелевъ въ маѣ мѣсяцѣ былъ приглашенъ офицерами лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка на обѣдъ въ Гатчину. Командиръ полка подъ предлогомъ болѣзни отказался присутствовать на обѣдѣ. Скобелевъ своими рѣчами вселилъ въ офицеровъ пламенное желаніе войны съ ненавистной ему Германіей. Въ концѣ концовъ онъ предложилъ на утро (это было вечеромъ въ субботу) ѣхать всѣмъ подъ его предводительствомъ въ Петербургъ и тамъ произвести передъ германскимъ посольствомъ демонстрацію, которая привела бы къ войнѣ. Всѣ офицеры съ ликоваіемъ приняли его предложеніе. Утро было уже недалеко, стали готовиться къ поѣздкѣ. Первымъ опомнился полковой адъютантъ и отправился доложить полковому командиру. Тотъ сейчасъ же издалъ приказъ, чтобы ни одинъ офицеръ не отлучался изъ мѣста стоянки полка, и такимъ образомъ планъ Скобелева потерпѣлъ крушеніе».

«Скобелевъ, — вспоминаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — въ присутствіи другихъ всегда говорилъ со мною по-французски, а когда мы были одни — по-нѣмецки. Онъ отлично владѣлъ и тѣмъ и другимъ языкомъ, точно такъ же, какъ и англійскимъ. Какъ-то въ обществѣ гвардейскихъ офицеровъ рѣчь зашла о событіяхъ русско-турецкой войны и главнымъ образомъ о полномъ трудностей переходѣ гвардіи черезъ Балканы. Скобелевъ, войска котораго особенно пострадали при этомъ переходѣ, наклонился ко мнѣ и тихо сказалъ по-нѣмецки: «Они рассказываютъ о геройскихъ дѣлахъ, которыя они совершили, не понеся при этомъ никакихъ потерь. Въ боевомъ отношеніи я ставлю армію гораздо выше, чѣмъ гвардію».

— Ваше превосходительство, — воскликнулъ какой-то капитанъ, сидѣвшій недалеко отъ Скобелева: — потрудитесь не осуждать нашу гвардію въ присутствіи офицера, явившагося къ намъ изъ чужой арміи!

Скобелевъ засмѣялся и перевелъ разговоръ на другой предметъ.

Случай этотъ авторъ приводитъ въ подтвержденіе своего утвержденія, что Скобелевъ не любилъ гвардіи и самъ не былъ любимъ ею.

Однимъ изъ крупныхъ политическихъ событій, случившихся за время пребыванія фонъ-Шфейля на русской службѣ, было сверженіе болгарскаго князя Александра. Авторъ воспоминаній знавалъ его лично, принималъ даже участіе въ переговорахъ по поводу покупки болгарскимъ правительствомъ библіотеки одного изъ близкихъ автору петербургскихъ нѣмцевъ. Все это замѣтно расположило его къ принцу Баттенбергскому. Вѣроятно, не послѣднюю роль играло въ этомъ случаѣ и довольно явное сочувствіе автора къ антирусской политикѣ сверженнаго болгарскаго князя.

«Когда я явился къ князю (по пріѣздѣ его въ Петербургъ), — рассказываетъ фонъ-Шфейль, — въ передней комнатѣ меня встрѣ-

тилъ генералъ Соболевъ, подозрительно смотрѣвшій на каждого, кто, по его мнѣнію, могъ пріобрѣсти вліяніе на князя. Онъ увѣрялъ, что князь никого не принимаетъ, и въ послѣдствіи пытался помѣшать нашему свиданію. Но это ему не удалось, такъ какъ я вмѣстѣ съ княземъ получилъ приглашеніе къ германскому послу. За обѣдомъ я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и велъ оживленный разговоръ. Къ сожалѣнію, онъ говорилъ очень неосмотрительно, не обращая вниманія на нѣсколькихъ бывшихъ тутъ же русскихъ офицеровъ. Слушать этого красиваго молодого человѣка было одно удовольствіе. Жаль только, что онъ самъ себя копалъ яму.

«Въ комическомъ видѣ онъ представилъ то положеніе вещей, которое царствуетъ въ Болгаріи со времени пребыванія въ ней русскихъ, заявляя, что положить этому конецъ составляетъ цѣль его усилій. Онъ знаетъ, что въ Болгаріи найдется немало друзей, которые хотятъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе полетѣлъ съ престола, но они ошибаются, онъ будетъ сидѣть еще долго. Чрезвычайно остроумно изображалъ онъ совѣтъ министровъ въ Константинополѣ и вообще забавлялъ весь столъ».

Какъ оказалось въ послѣдствіи, Баттенбергъ ошибался въ оцѣнкѣ прочности своего положенія: въ августѣ 1886 года, какъ разъ во время высочайшаго завтрака на осеннихъ маневрахъ, пришла изъ Софіи телеграмма объ отреченіи Баттенберга. Непріятная для нѣмцевъ новость была сейчасъ же сообщена въ Берлинъ генераломъ фонъ-Вердеромъ, который принималъ участіе въ завтракѣ. Первымъ глашатаемъ паденія Баттенберга былъ, по словамъ фонъ-Пфейля, великій князь Сергій Александровичъ. Прямо съ завтрака онъ поспѣшилъ къ своимъ преображеннымъ офицерамъ и, махая издали фуражкой, крикнулъ по-французски, чтобы не поняли солдаты: «Большой успѣхъ русскаго вліянія въ Болгаріи! Баттенберга принудили отречься отъ престола. Теперь мы господа положенія!»

О послѣдовавшей за отреченіемъ Баттенберга стамбуловщинѣ въ книгѣ нѣтъ ни строчки.

Другое крупное политическое событіе, назрѣвавшее и совершившееся въ царствованіе Александра III,—это франко-русскій союзъ. Главными виновниками его авторъ считаетъ Скобелева и генерала Обручева, женатаго на французкѣ и владѣвшаго во Франціи нѣсколькими имѣніями. Подготовка союза шла издалека. Сначала былъ удаленъ французскій посолъ въ Петербургѣ адмиралъ Жоресъ, который, бесѣдуя однажды въ кружкѣ придворныхъ, имѣлъ неосторожность заявить, что самый лучший образъ правленія всегда былъ и будетъ республиканскій. На его мѣсто былъ присланъ генералъ Анперъ, орлеанистъ, который скоро завоевалъ всеобщія симпатіи особенно благодаря тому обстоятельству, что онъ былъ женатъ на датчанкѣ. Однако вскорѣ орлеанистскія убѣжденія генерала настолько дали себя знать, что республиканское

правительство сочло неудобнымъ имѣть такого представителя и отозвало Аппера, къ великому неудовольствію Петербурга. Нѣмцы ликовали, видя въ этомъ крушеніе самой идеи франко-русскаго союза.

Въ возможность его не вѣрило и само русское правительство: по крайней мѣрѣ, русскій посолъ Моренгеймъ по поводу франко-русскаго союза выразился такъ: «вѣрую, Господи, помощи моему невѣрію».

Внимательно слѣдя за членами дипломатическаго корпуса, графъ фонъ-Пфейль не упускаетъ случая отмѣтить въ своихъ воспоминаніяхъ ихъ промахи и смѣшныя стороны. Особенно умѣлъ себя ставить въ комическое положеніе турецкій посолъ Шакиръ-паша. Чрезвычайный поклонникъ дамъ, онъ гораздо больше удовольствія находилъ въ ихъ обществѣ, чѣмъ среди своихъ коллегъ. Однажды на большомъ придворномъ балу, на которомъ присутствовалъ весь дипломатическій корпусъ, онъ забрался въ самую средину собравшихся придворныхъ дамъ и, расточая направо и налево любезности, видимо, чувствовалъ себя великолѣпно. До высочайшаго выхода оставалось уже нѣсколько минутъ. Дипломаты были сконфужены поведеніемъ своего коллеги и не знали, что предпринять. Выручилъ австро-венгерскій посолъ графъ Волькенштейнъ. Представъ передъ туркомъ, онъ рѣшительно повлекъ его за собою и поставилъ на отведенное для посла мѣста. Достоинство Турціи было спасено.

Отъ баловъ и придворныхъ увеселеній авторъ переходитъ къ болѣе грустнымъ воспоминаніямъ. За время его службы при Александрѣ III умерли герцогъ Петръ Ольденбургскій и генералъ-адъютантъ Чертковъ. Послѣдній скончался внезапно отъ удара, сяди за столомъ. Чертковъ приходился родственникомъ извѣстному ересиарху Пашкову, который по настоянію Побѣдоносцева былъ сначала удаленъ изъ Петербурга, но затѣмъ получилъ снова право жить въ столицѣ. Будучи послѣдователемъ пресловутаго Рэдстока, камергеръ Пашковъ пользовался всякимъ подходящимъ случаемъ для пропаганды своихъ религіозныхъ идей. Когда скончался Чертковъ, его родственники подъ вліяніемъ Пашкова отказались было служить по немъ панихиды, такъ какъ это противорѣчитъ религіознымъ убѣжденіямъ пашковцевъ. Но имъ было внушительно указано на соблазнъ ихъ поведенія, и панихиды начались. На одной изъ нихъ фонъ-Пфейль лично познакомился съ Пашковымъ, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе своею искренностью и пламеннымъ краснорѣчіемъ, съ которымъ онъ защищалъ истинность своихъ убѣжденій.

Похороны принца Петра Ольденбургскаго ознаменовались для автора записокъ другого рода инцидентомъ. Герцогъ пережилъ императора Александра II всего на полтора мѣсяца. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ событіи фонъ-Пфейль.

«Въ ночь на 14 мая я былъ внезапно разбуженъ полковымъ адъютантомъ, который сказалъ мнѣ: «Надѣвай скорѣе парадный мундиръ, нужно держать караулъ у тѣла герцога Ольденбургскаго. Я искалъ другихъ офицеровъ, но никого не могъ найти». Съ величайшею поспѣшностью я отправился ко дворцу герцога, гдѣ черезъ слабо освѣщенный вестибюль меня провели въ комнату, въ которой лежало тѣло. Герцогъ лежалъ на своемъ смертномъ ложѣ. Двѣ свѣчи освѣщали его лицо, передъ которымъ сидѣла какая-то молодая дѣвушка и зарисовывала его».

Хотя герцогъ принадлежалъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію, но хоронили его по православному обряду, и даже евангелическая часовня, находившаяся во дворцѣ, была на время похоронъ закрыта.

Сопровождать тѣло до вокзала назначенъ былъ Преображенскій полкъ, при чемъ офицеры получили строгое приказаніе всѣми мѣрами не допускать ни малѣйшаго нарушенія порядка. «Недалеко отъ вокзала,—разсказываетъ авторъ,—идя впереди своей роты, я замѣтилъ двухъ прилично одѣтыхъ подозрительныхъ молодыхъ людей, которые намѣревались пробѣжать на другую стороны улицы, между хоромъ музыкантовъ и мною. Я крикнулъ имъ: «назадъ», но они уже были около меня. Тогда я ударилъ одного изъ нихъ саблей, и онъ уналъ. Другой успѣлъ убѣжать. Раненаго схватила полиція. Послѣ я узналъ, что онъ принадлежалъ къ нигилистамъ, и градоначальникъ Барановъ увѣрялъ меня, что я оказалъ ему очень важную услугу».

Время было чрезвычайно тревожное, и слухи ходили одинъ другого страшнѣе. «Въ октябрѣ 1881 г.,—вспоминаетъ фонъ-Пфейль,—ко мнѣ въ комнату въ нашихъ казармахъ у Таврическаго дворца внезапно вбѣжалъ, блѣдный, какъ смерть, дневальный и доложилъ: въ Рождественской части большой бунтъ! Войска спѣшатъ туда! Командиръ корпуса графъ Шуваловъ здѣсь и требуетъ васъ къ себѣ. Дежурнаго офицера нѣтъ». Черезъ двѣ минуты я былъ уже на дворѣ казармъ, куда собирались уже солдаты. Графа Шувалова тутъ не было, зато былъ его начальникъ штаба графъ Игнатьевъ, который осмотрѣлъ, имѣютъ ли солдаты при себѣ достаточное количество патроновъ и все ли въ порядкѣ. Два офицера, которыхъ случайно не оказалось, были потомъ отправлены подъ арестъ.

«Генералъ Игнатьевъ объявилъ, что все это лишь проба, имѣющая цѣлью удостовѣриться, что войска готовы въ случаѣ надобности».

Факты показывали, что гвардію того времени дѣйствительно нужно было «подтягивать». Авторъ записокъ передаетъ объ одномъ случаѣ, наглядно рисуящемъ, насколько дисциплина среди гвардейскихъ офицеровъ того времени была въ упадкѣ:

«До свѣдѣнія властей дошло, что въ кружкахъ гвардейской молодежи идетъ сильная карточная игра, но градоначальнику Грессеру

никакъ не удавалось накрыть игроковъ. И вотъ однажды поздно ночью ѣхалъ онъ случайно по Большой Морской и замѣтилъ въ извѣстномъ ресторанѣ Бореля (теперь Кюба) свѣтъ, хотя, по полицейскимъ правиламъ, ресторанъ давно уже надлежало закрывать. Градоначальникъ приказалъ остановиться и потребовалъ для объясненій содержателя. Тотъ объявилъ, что онъ очень радъ прибытію градоначальника, такъ какъ онъ уже больше часу старается уговорить засѣвшую въ комнатѣ компанію покинуть ресторанъ. Пирующие заперлись въ комнатѣ и смѣются надъ всѣми его усиліями. Тогда Грессеръ самъ направился къ двери, объявилъ, кто онъ, и потребовалъ, чтобы ему открыли. Ему отвѣчали громкимъ смѣхомъ и чоканіемъ. Несмотря на трехкратное требованіе градоначальника, дверь не открывалась. Тогда ее взломали. При входѣ градоначальника изъ-за стола вскочили какіе-то молодые люди, пировавшіе съ дамами, а на другомъ столѣ шла азартная игра. Одинъ изъ собутыльниковъ, офицеръ, носившій очень извѣстную фамилію, направился къ градоначальнику и нанесъ ему оскорбленіе. Всѣ участники попойки подверглись строгому наказанію, и это обстоятельство страшно озлобило высшее общество противъ градоначальника.

Распущенность открыто проявлялась и въ дворцовомъ хозяйствѣ. Злоупотребленія на первыхъ порахъ новаго царствованія доходили до того, что изъ дворца исчезала даже золотая столовая посуда. «Однажды, — рассказываетъ фонъ-Пфейль, — мой фельдфебель принесъ мнѣ два массивныхъ золотыхъ столовыхъ прибора съ императорскимъ гербомъ, которые онъ нашелъ завернутыми въ бумагу на ротномъ дворѣ. Я доложилъ объ этомъ полковому командиру съ просьбою вернуть находку куда слѣдуетъ, но тотъ рѣшительно заявилъ, что онъ знаетъ объ этомъ не желаетъ, такъ какъ подобнаго рода находка уже причинила ему однажды жестокія непріятности. То же самое сказалъ и великій князь Сергій Александровичъ, котораго я просилъ положить приборы обратно на столъ его царственнаго брата. Такимъ образомъ, я принужденъ былъ держать находку у себя до самой моей отставки. Покидая полкъ, я передалъ ихъ подъ расписку полковому адъютанту».

Незадолго до этой отставки произошло крушеніе императорскаго поѣзда въ Боркахъ. Сначала у всѣхъ явилась мысль, что несчастіе это было дѣломъ руки нигилистовъ, но разспросы лицъ, ѣхавшихъ въ злополучномъ поѣздѣ, не оставляли сомнѣній, что крушеніе императорскаго поѣзда вызвано было неисправностью слѣдовавшаго въ его составѣ вагона министра путей сообщенія Посьета. Лѣтомъ 1888 г. вагонъ этотъ сдѣлалъ около девяти тысячъ верстъ и остался безъ основательнаго осмотра и ремонта. Онъ слѣдовалъ въ поѣздѣ третьимъ и съ самаго начала обратилъ на себя вниманіе своей тряской и дребезжаніемъ. Онъ первый сошелъ съ рельсовъ и тѣмъ вызвалъ крушеніе. Слѣдующій, багажный вагонъ, въ кото-

ромъ ѣхали желѣзнодорожные рабочіе съ инструментами, запасными тормозами, шинами и т. п., былъ раздавленъ имъ совершенно, отъ министерскаго вагона уцѣлѣла только крыша. Всѣ находившіеся въ немъ были убиты или тяжело ранены. Точно также получили пораненія всѣ лица государевой свиты. Счастье еще, что вагонъ царскихъ дѣтей, слѣдовавшій за столовой, не наскочилъ на нее, а сталъ поперекъ полотна, причѣмъ одна стѣнка его была вышиблена.

Любопытно, что катастрофа совершенно разнo подѣйствовала на придворное общество и простолюдиновъ. Послѣдніе какъ будто моментально сошли съ ума и не сознавали, что дѣлаютъ. Такъ, одинъ лакей, какъ будто ничего не случилось, предлагалъ генералу Даниловичу винограда. Здоровеннѣйшій съ виду поваръ началъ съ ожесточеніемъ рубить котлеты, какой-то рабочій, выбравшись изъ-подъ обломковъ, стремглавъ бросился бѣжать, куда глаза глядятъ.

Слѣдованіе императорскихъ поѣздовъ всегда вызывало огромную напряженность по линіи. Авторъ самъ испыталъ на себѣ жуткое чувство отвѣтственности за благополучный проходъ поѣзда, будучи назначенъ начальникомъ охраны во время поѣздки царской семьи въ Данію черезъ Ревель. Батальонъ фонъ-Пфейля назначенъ былъ охранять путь отъ Пскова на разстояніи 150 верстъ.

«Я часто посѣщалъ посты, занятые моей ротой,—разсказываетъ онъ.—Съ этою цѣлью къ моимъ услугамъ всегда былъ готовъ особый паровозъ. Однажды я потребовалъ его для себя и уже сталъ взбираться на него по ступенькамъ, когда ко мнѣ подошелъ одинъ изъ вышихъ чиновъ администраціи дороги и просилъ позволенія сопровождать меня. Едва мы тронулись, какъ увидѣли другой паровозъ, разбитый и уткнувшійся въ землю, мимо котораго мы проѣзжали. Мой спутникъ объяснилъ мнѣ, что тутъ недавно произошло крушеніе: паровозъ, мимо котораго мы проѣзжали, столкнулся съ тѣмъ, на которомъ мы ѣхали и который только что вышелъ изъ мастерскихъ. Было бы, конечно, пріятнѣе имѣть въ своемъ распоряженіи другой, но приходилось мириться.

«Едва мы выѣхали за предѣлы станціи, какъ нашъ паровозъ помчался со скоростью, совершенно необычной въ Россіи. Я попросилъ машиниста ѣхать тише, но тотъ въ отвѣтъ пустилъ машину съ удвоенной скоростью. Тогда я обратился за разъясненіемъ къ моему спутнику, и тотъ вѣжливо объявилъ мнѣ, что ему поручено при удобномъ случаѣ испытать предѣльную скорость паровоза и для этого онъ воспользовался настоящей поѣздой. Тогда я рѣшительно объявилъ, что онъ можетъ дѣлать эти испытанія, когда ему угодно, но только не со мною. Это подѣйствовало, и мы пошли дальше съ обыкновенной скоростью».

Высочайшимъ приказомъ отъ 21 августа 1889 г. командиръ 4-го батальона Преображенскаго полка полковникъ графъ фонъ-

Пфейль по домашнимъ обстоятельствамъ былъ уволенъ въ отставку. Неизвѣстно, почему онъ счелъ своею обязанностью добиться высочайшей аудіенціи, и съ этою цѣлью отправился въ Данію, гдѣ въ то время гостила императорская семья. 29 сентября онъ былъ уже въ Копенгагенѣ и явился къ своему бывшему сослуживцу полковнику фонъ-Блону съ просьбою о содѣйствіи. Тотъ направилъ его къ русскому посланнику графу фонъ-Толлю, который и сообщилъ ему, что въ часъ дня состоится парадъ датскихъ войскъ и что для достиженія своей цѣли онъ могъ бы воспользоваться этимъ случаемъ. Фонъ-Пфейль рѣшилъ послѣдовать совѣту посланника, но тутъ явилось огромное препятствіе: въ Даніи нѣмецкій языкъ не очень распространенъ, а датскаго фонъ-Пфейль не зналъ. Авторъ счастливо вышелъ изъ затрудненія. Онъ вмѣшался въ толпу, смотрѣвшую на парадъ войскъ, и вдругъ закричалъ: «городовой!» Когда полисменъ явился, фонъ-Пфейль потребовалъ, чтобы его отвели къ полицейскому, который понимаетъ по-нѣмецки. Затѣмъ онъ объяснилъ, что онъ русскій офицеръ и желаетъ присутствовать на смотрѣ. Полицейскій чрезвычайно почтительно отвелъ его на мѣсто, мимо котораго долженъ былъ проѣзжать король Христіанъ въ сопровожденіи лицъ русскаго императорскаго дома. Расчетъ графа оказался вѣрнымъ. Онъ, что называется, попалъ въ лучъ зрѣнія и былъ приглашенъ въ Фреденсборгъ. Больше всего поразила автора воспоминаній рѣзкая разница между придворной атмосферой въ Даніи и въ Петербургѣ. Въ Фреденсборгѣ почти не было никакой охраны, и всякій, попадавшій въ замокъ, чувствовалъ себя во владѣніяхъ гостепріимнаго, радушнаго помѣщика, живущаго просто и патріархально.

Визитомъ въ Фреденсборгъ и заканчиваются воспоминанія графа фонъ-Пфейля, изъ которыхъ мы, по такъ называемымъ незавершеннымъ обстоятельствамъ, могли извлечь лишь небольшую часть.

А. Бѣловъ.

